

Тамара Курашова,
журналист

Поселились в селе жар-птицы

Каждый день с ранней весны и до поздней осени в семь утра отправляется Иван Данилович из Алапаевска в Синячиху на работу. Двенадцать километров туда — двенадцать обратно. И так — пять раз в неделю. В субботу и воскресенье едет тоже, только на этот раз надевает хороший костюм, тщательнейшим образом причесывается — потому как предстоит ему иметь дело не с топором и пилой: сегодня он поведет экскурсию по Музею уральской народной живописи.

Ни в каких справочниках музеев не значится, а вот едут сюда отовсюду. Видно, не зря говорится: слухом земля полнится. Приезжают уже заранее настроившись на праздник.

И праздник начинается задолго до встречи с музеем. Издалека видны стремительно уходящие в небо вертикали Спасо-Преображенской церкви. Колокольня в шатровом покрытии и главный купол, увенчанный, как короной, великолепным многоглавием: восемь изящных главков на стройных восьмигранных барабанах окружают его, чуть поодаль — девятая, малая главка, поднимается над алтарной частью...

Каменные Кижы Урала! Разглядишь и полюбующись ими вблизи, а издали они, словно пена сияющих кружев, парят в воздухе, легкие и светлые, как облака.

Величавость Спасо-Преображенской торжественна и проста. Незвестные зодчие оставили нам благородство линий и строгость пропорций строения — русский классицизм, утвердившийся на берегах Невы и неспешно прорывавшийся в провинцию, лишь слегка украсив каменной вязью архитектурного узорочья.

Наверное, именно тут, перед входом, стоит рассказать о гражданском подвиге Ивана Даниловича Самойлова. Хотя не раз его имя звучало со всевозможных трибун от районной до всероссийской и в печати оно мелькало многократно, нелишне напомнить — трудом и стараниями Ивана Даниловича, возглавляющего Алапаевское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, возрождена к жизни вся эта краса, которая волнует и трогает и дарит праздник.

Конечно, его поддерживали местные органы власти, помогали предприятия и совхозы, свердловское отделение общества охраны памятников истории и культуры выделило средства. Но разве не известны бесчисленные примеры, когда и деньги есть, и проекты, и поддержка всяческая, и нужда великая в завершении дела, а не двигается оно с места. Человеческого, оказывается, нет, который бы дело делал — молча, упрямо, день-деньской. А тут повезло — нашелся такой человек, не боявшийся взвалить на себя столько забот и такую ответ-

ственность, какие не всякий коллектив осилит.

Так и вижу: стоит он, невысокий, плотный, и, задрав голову, глядит и глядит на умирающую красоту. Свод верхнего этажа держится чудом, в аварийном состоянии колокольня, многие барабаны, главки неузнаваемы, и, как последний горестный аккорд, на полуразрушенном куполе верхнего алтаря растет березка. Тут еще совхоз «Нижнесинячихинский» намерился выламывать восточную стену, чтоб сподручнее было на машине въезжать и разгружать зерно. Здание-то под зерносклад и зерносушилку отдали.

Про такие ли случаи сложена поговорка «глаза боятся, а руки делают», про другие ли, только, повздыхав да поохав, принялись за дело. В 1969 году провели архитектурный обмер здания, по данным которого сметная группа Алапаевского металлургического комбината составила смету на реставрацию памятника.

За лето следующего сделали уже многое: одели кровлю, укрепили аварийные участки, обнесли здание временным штакетным забором, заготовили материал для лесов.

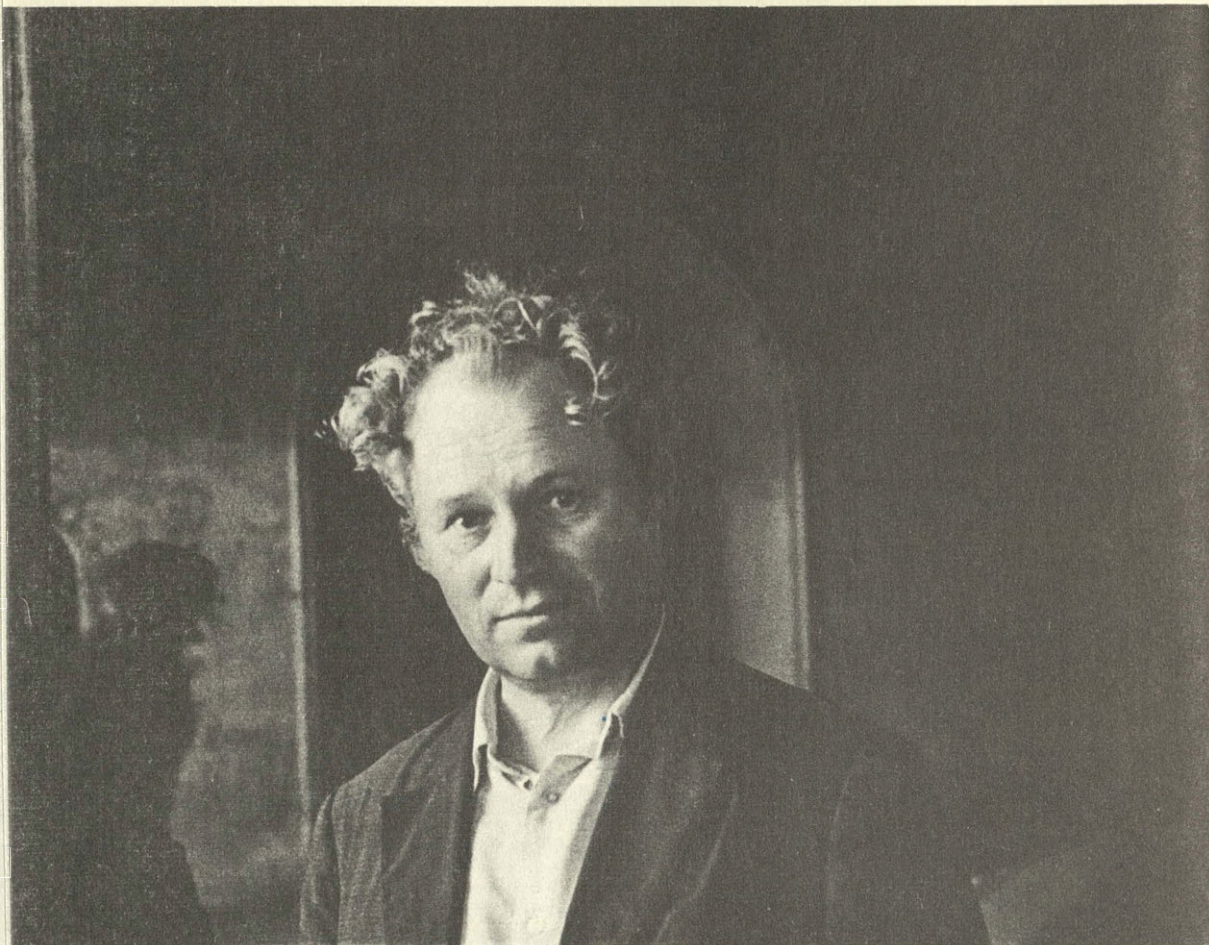
А еще через год Нижнесинячихинская церковь стояла уже в лесах.

Иван Данилович сам разработал проект реставрации — пригодилось его давнишнее увлечение и серьезное изучение искусства и архитектуры, хотя были у него одни, далеко не лучшего качества, фотографии. Сам брался за любой инструмент: топор, лопату, кисть... И вместе с ним работали Александр Иванович Окулов, потомственный плотник, Яков Павлович Анохин, каменщик и штукатур, Иван Алексеевич Козлов, тоже каменщик и штукатур, Григорий Афимович Перовских, плотник и маляр, Валентин Константинович Сорокин, каменщик, Иван Наумович Зуев, кровельщик. Самому младшему из помощников перевалило далеко за пятьдесят, самый старший подбирался к семидесяти. Были и другие, но эти — постоянные.

Они были с ним в самые тяжкие первые годы, когда никто не верил в удачное завершение начатого. Молча сносили насмешки односельчан. И, если грыз их порою червь сомнения, старались не подать вида, чтобы лишний раз не травить душу Данилыча. Что их-то удерживало? Исступленная вера Самойлова, доходящая прямо-таки до фанатизма? А может, желание увидеть своими руками возрожденную красу, которую более полутора веков назад сотворили такие же мужики, как они.

В народе до сих пор живет легенда, будто строил эту церковь итальянский архитектор, строил долго и трудно, почти тридцать лет.

Свердловская область. Село Нижняя Синячиха.

Иван Данилович
Самойлов.

И погиб тут, упав с колокольни. Имя его легенда не сберегла, как и имен тех мастеровых, которые работали под его началом.

А вот имена их соавторов, восстановивших памятник республиканского значения, сохранив при этом историческую точность каждой детали, пока у всех на устах и должны быть записаны на специальной доске прямо тут, у входа в спасенный храм. Чтобы не затерялись они во времени и внуки и правнуки гордились бы добрым делом своих предков.

И еще бы одно имя я внесла в этом список — Анны Ивановны Самойловой. Нижняя Синячиха стала главным делом в ее жизни. Красит, стирает, крахмалит, чистит-драит самовары и медные чугушки, оформляет экспозиции. Белая горница — подобной ни в одном музее не увидишь, расписанная братьями Егором и Павлом Мальцевыми в начале века, — ее руками устроена.

А в те годы Иван Данилович работал главным землеустроителем в районе и реставрацией занимался лишь в свободное время. Хотя было ли оно, свободное время! Все выходные и праздники, все отпуска проводил в Синячихе. На каком энтузиазме, на какой вере, что выполнит все намеченное, держался — непостижимо.

Бежали дни, шли годы, и, освобождаясь потихоньку из плена лесов, представало прекрасное творение перед изумленными людьми. Первым предстало пенное многоглавие.

И вот уже заново восстановлен главный вход, пояски, наличники, пилястры, валюты, почти утраченные, вновь украсили здание, сделали его нарядным, чугунная ограда на каменном цоколе заменила штaketник.

И внутри все преобразилось. Пол вновь устилают прекрасные орнаментированные чугунные плиты, которые разыскивали по всем окрестным деревням, — знаменитое художественное каслинское литье, с ним в согласии кованые решетки на окнах и дверях. А расписанные стены! Это от них стоит в храме легкая голубоватая дымка.

Полтора века назад храм расписали ученики Петербургской академии художеств, а теперь фрески отмыли и восстановили ленинградец В. Буров, местные художники Л. Кейт и К. Афанасьев и, конечно, сам Иван Данилович.

Рассказывают, когда пришли первые посетители в музей, долго у фресок стояли, словно пытаясь вспомнить, на кого так похож Георгий Победоносец или великомученица Варвара. Прадедушек и прабабушек напомнили им святые. Видно, с них писаны были.

Итак, Музей уральской народной живописи принял первых экскурсантов. Открыт музей, яркий и удивительный, как сказка.

По нему ходят, не охая и восклицая, а молча, потрясенные увиденным. Где, в каком тридевятом царстве — тридесятом государстве порхали, распушив хвосты и распластав

крылья, эти диковинные жар-птицы, росли эти веселые, неведомые природе цветы. А теперь они глядят на нас с дверей и потолка, со стен и простенков. И им под стать белопенные кружева скатертей, радостная вышивка полотенца, узорчатые половики и коврики, берестяные туеса и бураки, впитавшие тепло живого дерева, металл, подвластный руке человека... Как щедр был на выдумку и мастерство русский крестьянин, украшая свой дом, свой быт.

Ходишь от стенда к стенду, все больше убеждаешься: вот оно какое «гнездо жар-птицы».

Много-много позже пораженные искусствоведы в один голос воскликнут: «Ураль-

а кто продавал ставшие ненужными узоры. А как обогатили они коллекцию Самойлова, коллекцию старых вещей, давно вышедших из употребления, давно забытых, но не потерявших своего очарования, способных вызывать восхищение у нас, у нынешних. Много лет он отдал ей, надеясь, что доведется когда-нибудь выставить все, что творили предки наши на удивление и любовании народное. И довелось. Два просторных этажа церкви заняла самойловская коллекция. Всю без остатка отдал ее Иван Данилович в созданный им музей. Подарил.

...Жил-был мальчик в уральской деревне

ская расписная изба — явление удивительное». Были известны крестьянские росписи Севера и Алтая, а тут — Урал преподнес сюрприз. И заговорят об особенностях композиции и художественных приемах, своеобразном колорите. Искусство уральской декоративной росписи сейчас признано самобытным видом русского народного творчества.

Но это произойдет потом, а тогда, в шестидесятые годы, Иван Данилович, постоянно разъезжая по селам и деревням — такова служба землеустроителя, — спасал от гибели доски с редкостными рисунками, убедил Алапаевский райисполком принять решение, обязывающее сельские Советы взять на учет дома, представляющие художественную ценность.

Теперь надо было собрать все в одном месте. Из каждой поездки привозил Иван Данилович расписные доски. Преслышав о них, отправлялся за много километров. Кто дарил,

Исаковка. В доме рядом с ним жили своей необычной жизнью диковинные жар-птицы. На простенке приятного красновато-оранжевого тона, как в сказочном саду, они пели и прыгали с ветки на ветку. И радость по всему дому исходила из этого разрисованного угла. Давно это было. Промелькнули годы учебы, прогремела война, по которой прошел уже не мальчик, а воин, командир роты пулеметчиков, и вновь учеба. Но все годы жила в душе радость от той далекой встречи — пели жар-птицы детства.

Только уж очень беспокойными оказались те птицы из детства. Мало им было собственного спасения, они требовали дальнейшего подвижничества.

Когда, в какой день задумался Иван Данилович о музейном комплексе крестьянского быта под открытым небом, что явилось толчком к тому, сейчас, пожалуй, трудно сказать. Я по-

В музее...

чти убеждена, что случилось это в тот черный час, как узнал он о гибели Кыртомской церкви. До сих пор горюет о ней, словно близкого человека потерял. А стояла она, шатровая и многоглавая, очень похожая на свою Нижнесинячихинскую сестру, только деревянная. Редкое, прекрасное строение, запрятанное в лесах и болотах.

Пока измеряли и изучали церковь, радовался Иван Данилович, что далеко от проезжих дорог она — не всякий доберется, прикидывал, как бы перенести деревянную красавицу под бок Спасо-Преображенской. Две жемчужины рядом! Было это по весне, а грозовой июльской ночью удар молнии сжег лесную затворницу.

О печальной доле Кыртомской церкви невольно вспомнила, увидев две часовенки. Слово разбежавшись, вдруг остановились они на пригорке, красуясь золочеными крестами, этикие сельские скромницы. Их Иван Данилович спас. Одну приглядел в деревне Карново Верхотурского района, за другой ездил в Кокшарово за Нижнюю Салду. Тамошние руководители попросили его: заберите, а то лесозаготовители на дрова разберут.

Везли кучу бревен по колено в воде, намучились по бездорожью. Но никто не попрекнул Самойлова, мол, погодить бы, переждать весеннюю распутицу. Знали: спешит он, боится до лета оставить хрупкое строение. А вдруг и впрямь что случится: дерево ведь... За лето собрали часовенку, обрядили в простенькие кружева — иные ни к лицу ей, и стала она четвертым экспонатом в музейном комплексе под открытым небом.

Обе часовенки станут выставочными залами. В одной уютно разместятся акварели Анны Ивановны Трофимовой, в прошлом алапаевского бухгалтера. Уже на пенсии взяла она в руки кисть и удивила всех искренностью и пронзительностью своих работ. А как ярко и красочен будет парад ковров Христины Денисовны Чупраковой, тоже местной мастерицы. Это для начала. А там и еще сыщутся таланты, захочет кто показать свои творения.

Так и стоят они, не мешая друг другу: у самой реки суровая сторожевая башня из Красногвардейского завода, две часовенки и величавая Спасо-Преображенская. Такие разные постройки, а определяет их одно — по мудрой заповеди возводились они «...как мера и красота скажут».

Увлечшись, Иван Данилович рассказывает, где встанет крестьянская усадьба XVIII века — большая, просторная, со всеми пристройками и обязательно с заплотом. Не изгородь, не забор, а именно заплот — подобие невысокой крепостной стены — охранял хозяйство от лихих людей. Показывает, где поднимут голову колодезные журавли, где стоять кузнице и смолокурне, где сторожевой башне, где коновязи и верстовому столбу, где обоснуется крестьянский дом прошлого века. Ну а нынешний век и так представлен отлично: село-то живое, обитаемое, совхоз «Синячихинский».

— А где, — спрашиваю, — найдете все это — амбары, кузницы?..

— А все собрано, — отвечает, — только перевозить да ставить.

Не вся самойловская коллекция уместилась в Спасо-Преображенском музее. Часть ее ждет своего часа.

Умели петровские люди выбирать места для заводов. Знали свое дело досконально. И ведь ни про один из многих десятков, еще существующих и уже исчезнувших, не скажешь даже сейчас: неразумно поставлен завод. А возникло их в начале XVIII века по Уралу великое множество, как грибы после дождя, и казенные, и частные.

Вот и этот поставили на удобном месте: на реке Синячихе, на трактовой дороге из Верхотурья в Нижний Тагил. В 1724 году задумал он, основал поселок, но лет через сто с небольшим был закрыт.

Завода не стало, а рожденный им поселок продолжал процветать. Видно, любили люди свою Нижнюю Синячиху, хорошо обжили и предпочитали за несколько верст на работу ходить, нежели с насыщенного места свратиться. Вот так с заводов возникло поселение Урала. Одни вырастали в городе, другие становились селами.

Отсюда, от речки, где мы стоим, село глядится живописно. Усадьбы стоят привольно, улицы согласно повторяют плавные очертания зеленых пригорок, и дома, забегая по ним, будто поднимаются к небу. И естественно входит в существующую жилую застройку начинающийся музейный комплекс крестьянского быта. Верю, он будет таким, каким задуман.

И снова поддержал энтузиаста Алапаевский райисполком: принято решение, что Балакино (две улицы только и осталось от деревни), стоящая по другую сторону речки Синячихи, тоже входит в музейный комплекс и дома отсюда вывозить нельзя.

Красивое место выбрали. Бежит-течет Синячиха, и берега ее то лугом обернутся, то угором поднимутся, то и вовсе таким каменным утесиком вздыбятся. Лес подступают со всех сторон, а раздольно, словно в степи широкой.

— А как же завод без плотины и пруда стоял? — поняв, чего не хватало для завершенности пейзажа, спрашиваю у Ивана Даниловича.

— Дак было все, — отвечает он. — Во-он где вода отметину оставила. Надо бы пруд-то. Сам он сюда просится...

И заказчик на этот пруд есть, и строители, да вот загвоздка вышла — не хочет кто-то понять, что водоем нужен не как декоративный элемент для музея, а прежде всего живущим сегодня.

— Да будет пруд. Как без него. А верхнюю часть плотины оформим беру на себя. И рощу кедровую поднимем над прудом вот там...

Я гляжу на него удивленно. Ну и человек Иван Данилович! Скромный, незаметный даже, с тихим голосом, мягким взглядом голубых глаз, для себя за всю жизнь ничего не попросил. И откуда что берется, когда о деле речь заходит. В каких только приемных ему побывать не приходилось, с кем встречаться не довелось, доказывая, что, конечно, есть проблемы и поважнее тех, которыми он занимается, но и без них прожить нельзя.

Мы остановились у памятного места, связанного уже с нашим временем. Здесь в 1918 году держал оборону прославивший себя беспримерной храбростью крестьянский полк «Красные орлы».

Дожди и весенние воды, прошумевшие над окопами, почти смыли след жестоких событий.

Но из памяти человеческой он исчезнуть не смог.

Рассказывают, когда приезжал маршал Ф. И. Голиков в поселок, то указал то место и даже то, где пулемет его стоял. На всю жизнь запомнил тот бой юный красноармеец, хотя сколько их потом было, атак и отступлений, в его ратной судьбе.

Мы прикоснулись к самой, пожалуй, трагической, но и самой святой странице в истории Нижней Синячихи. Не миновали ее революционные бури, по самому сердцу прошли, и вписала она свою строку в общую историю страны. Иначе и быть не могло. Не зря ведь ее прозвали «большевистским гнездом» и «красной Синячихой». «Дурная» слава о селе пошла с первой русской революции. Именно тогда, в начале 1906 года, была создана здесь подпольная большевистская организация. С тех лет держала охранка в Нижней Синячихе своего человека, а зря денег они не платили.

И в семнадцатом году события в поселке разворачивались стремительно. Через два-три дня после сообщения о свержении монархии избрали большевистский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Молодая власть нуждалась в защите. Сначала вооружили немного людей, их и обучали военному делу. А когда Колчак подступил к Уралу, под ружье встало 160 человек.

10-я коммунистическая рота нижнесинячихинцев воевала на голубковском фронте, неподалеку отсюда.

В Алапаевском народном музее основатели его М. И. Аликин и И. А. Корюкин назвали мне такую цифру — 600. Столько жителей было казнено белогвардейцами в нынешнем Алапаевском районе. Из них в Нижней Синячихе — 147 жителей, почти четвертая часть.

Братскую могилу строили над рекой, на взгорке. Поставили обелиск, выбили десятки фамилий — памятник тем, кто погиб у села в годы гражданской войны, и тем, кто был казнен колчаковцами и местными кулаками.

Еще один скромный памятник стоит на площади, у церкви — председателю сельского Совета Якову Красилову и его жене, зверски убитыми врагами уже в двадцатые годы. Вот еще какими экспонатами располагает Нижнесинячихинский музейный комплекс. Почти вся трехсотлетняя история села, а в нем, как в капле воды, история Урала отразилась.

Мы возвращались из Балакино. Гулкая ти-

шина почти нежилой деревни и посвист ветра сопровождали нас. В Балакино музей шагнет через несколько лет, это его будущее. А настоящее лежало перед нами и очень радовало. Остановившись на крутом спуске, осторожно спрашиваю Ивана Даниловича:

— А Рагозинскую часовню вы знаете? Он сморщился, как от удара, закачал печально головой:

— Да, да... Спасать ее надо.

Помолчали. А потом, словно доверяя большой секрет, сказал:

— Я и место для нее присмотрел уже. Вот тут, на берегу...

...Возвращаясь в Алапаевск, я всю дорогу думала, как зависит судьба памятника от человека, от его понимания гражданского долга, чуткого сердца, добрых рук созидателя. В судьбе Рагозинской часовни решающую роль сыграли совсем иные люди.

Стояла она на берегу Туры в деревне Большая Рагозина больше ста лет. Легкая, изящная, с выразительным силуэтом — шатер колокольни и две декоративные главы были видны издали. «Часовня — интересный образец деревянных храмов, продолжающих традиции деревянного зодчества XVI — XVII столетий», — записали специалисты в ее характеристике. Рагозинская — памятник, взятый под охрану республики.

Но вот уже несколько лет увидеть ее можно только на фотографии. То, что еще осталось от нее, в беспорядке валяется на территории Верхотурской турбазы. Ее привезли, чтобы реставрировать. На этом благой порыв работников областного совета по туризму иссяк. Бревна сжигают приезжающие сюда рыбаки, а те, что уцелели от огня, гниют потихоньку, так как и разобраны и сложены без ума и толка.

В областном отделении Общества охраны памятников истории и культуры заведена целая папка-переписка по часовне. Куда только не отправляли письма, каких только обещаний не получено. А бревна от Рагозинской и поныне на берегу валяются.

Слова Ивана Даниловича обнадеживают. Но тут же по-человечески становится жалко его: своих забот расписано лет на десять, к чему чужие грехи брать на себя. Но задать такой вопрос ему не посмеешь: обидишь ненароком. От него просто ждешь нового чуда. Ждешь и веришь, что совершится оно.

